

Он наконец понял, почему Хэлянь Хэн не убил его: этот человек с виду казался вполне достойным, но в душе был полон мерзости и обожал пытать людей.

Когда темные тени осадили коней и остановились, небо уже совершенно почернело — такое же черное, как сердце Хэлянь Хэна.

Ноги Цзун Цзиня давно потеряли чувствительность, и вторую половину пути он ехал исключительно на силе воли, продолжая бежать за остальными словно ходячий мертвец. Стоило коням остановиться, как он рухнул вперед, уже не заботясь о том, как именно упадет.

Внезапно чьи-то руки подхватили его поперек талии.

Его сознание балансировало на грани угасания, и он услышал лишь голос У Сян: — Господин передал его мне.

Тени не ответили и молча растворились в темноте.

Следом Цзун Цзинь почувствовал, что его взвалили на плечо. Выступающие кости чужого плеча, на котором почти не было мяса, больно впились ему в желудок, и с каждым шагом эта боль отдавалась в теле так, будто он умирает. Но у Цзун Цзиня не осталось сил даже на крик, да и заботиться о том, куда его волокут, он уже не мог — если бы его бросили прямо в чан с кипящим маслом, он и тогда бы не смог сопротивляться, оставалось только покориться судьбе.

И всё же эта Хэлянь У Сян... Силы у нее и правда немало...

Или это он слишком лег? Верно... С тщедушным телом Цзун Цзиня сколько он мог весить?.. Хэлянь Хэн, пожалуй, смог бы поднять двоих таких, как он, одной рукой.

О том, что было дальше, Цзун Цзинь уже ничего не помнил.

Он лишь смутно припоминал, будто кто-то вливал ему в рот горький отвар, но тогда он тонул в липких сетях сна и не мог разомкнуть веки.

В этом сне была та ночь на горе Бусяо, пейзажи Цзюлуна, виденные в юности, тот Кинжал из черного золота и стремительная, упоительная схватка с Хэлянь Хэном при их первой встрече.

Последним кадром сна стал вид на город Тяньду с большого расстояния и возвышающаяся в его сердцевине Башня Покорения Звезд.

— Мх... ун...

Нахмурившись, Цзун Цзинь промычал что-то себе под нос и лишь спустя долгое время приоткрыл глаза. Не было на его теле ни единого живого места, особенно досаждали ноги — малейшее движение отзывалось такой ломотой, что он только судорожно хватал ртом воздух. Глядя в потолок пустым взглядом, лежа навзничь, он изучал резные балки поместья Хэлянь, пока мысли вихрем метались среди череды свалившихся на него бед.

Даже после того как он переродился и превратился в дешевого продажного мальчишку, эти сны продолжали напоминать: он — глава клана Юйчи, тот самый Юйчи Лань, что проскакал по всему миру, обогрив землю кровью. Просто интриги и козни никогда не были его стихией, иначе Ло Чэньхуань не смог бы подобраться к нему и совершить убийство. Он умел лишь выстраивать войсковые порядки и побеждать грубой силой.

Он действовал слишком опрометчиво, возомнив, что сможет лишить Хэлянь Хэна жизни простым ножом для фруктов.

Стоило всё получше спланировать... Черт возьми, раньше все эти хитроумные стратегии за него разрабатывал Ло Чэньхуань.

Хотя... главным образом дело в том, что стоило его скверному характеру вырваться наружу, сдерживаться он уже не мог.

Нет-нет, главное — сам Хэлянь Хэн. Его манера говорить, каждое движение, едва заметная улыбка — всё в нем доводило до белого каления.

Что же будет теперь? После полученного наказания, какие еще изощренные муки приготовил Хэлянь Хэн?

Раз уж он замышляет убийство, то ключевым моментом здесь становится слово выждать. Он больше не мог позволить себе слепо вестись на эмоции, по крайней мере, нужно сначала выяснить, сколько охранников у Хэлянь Хэна и каков их уровень подготовки. Впрочем, сейчас думать об этом уже поздно: Хэлянь Хэн знает о его дурных намерениях, а значит, теперь будет принимать меры предосторожности каждую секунду.

— Эх...

Цзун Цзинь тяжело вздохнул, и после минутного самоанализа на душе стало только гаже. Резко сжав кулаки, он изо всех сил врезал по циновке: — Черт возьми! Да какой к черту самоанализ! Раз уж всё зашло так далеко, плевать, что он там задумал — отбиваться по ходу дела проще простого!

И всё же главная проблема Цзун Цзиня заключалась в этом хилом, слабом теле.

Сдвинув брови домиком, он погрузился в мрачные раздумья: сколько лет Цзун Цзиню? В каком

году он родился? Сможет ли он еще вырасти?

Не успел он найти ответ, как дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошла У Сян с подносом в руках. Как и всегда, лицо ее сохраняло ледяное выражение. Ничуть не удивившись, увидев открытые глаза Цзун Цзиня, она изящно поставила поднос на стол, взяла пиалу цвета селадона и направилась к ложу.

Как раз вовремя проснулся, пора пить лекарство.

В нос ударил горький запах, и брови Цзун Цзиня сошлись еще круче: — Что это? Травишь меня?

— Немного поддерживающего отвара, — ответила У Сян. — Раз уж вы так слабы, господин пожаловал.

— С чего это вдруг такая доброта? — хмыкнул он. — Какие еще пытки припасены дальше, выкладывайте всё сразу, к чему эта фальшивая забота? Ненавижу лицемеров! Говорите, как Хэлянь Хэн намерен со мной поступить?

Опустив взгляд, У Сян беспристрастно произнесла: — Господин сказал лишь, что вам запрещено покидать поместье Хэлянь дальше чем на шаг. Никаких других приказов не было, поступайте как знаете.

— Вот видишь, я же знал... — автоматически огрызнулся Цзун Цзинь и только на полуслове сообразил: — И всё? Никакого другого наказания? И убивать меня не собираются?

— Именно так. Так что лекарство — я сама вас напою или вы встанете и выпьете? Если боитесь яда... — С этими словами У Сян зачерпнула ложку отвара и отправила в рот себе, после чего добавила: — Можете не сомневаться.

Два дня спустя.

Все ключевые люди клана Хэлянь собрались в кабинете. Согласно последним донесениям, похороны Юйчи Ланя назначены ровно через семь дней. Два соседних с землями клана Юйчи владения — Хуанфу и Сима — уже выдвинулись в путь, чтобы выразить соболезнования. Но присутствие на траурной церемонии было лишь благовидным предлогом: на деле голодные волки просто ждали возможности разорвать лакомый кусок на части.

В кабинете царила тяжелая атмосфера, все взгляды были прикованы к Хэлянь Хэну.

Стоя у окна, он опустил взгляд, словно любясь пейзажем во дворе. Все ждали от него решения, но он оставался невозмутим и спокоен.

Хэлянь Хэн всегда отличался подобным нравом: как бы ни складывались обстоятельства — к худшему или к лучшему, он никогда не позволял эмоциям отразиться на лице.

Лишь спустя долгое время Хэлянь Хэн глухим голосом произнес: — Бэйтан Ле, Цзян И, вы двое отправляетесь со мной, завтра выступаем в путь. Остальные — приводить себя в готовность. Независимо от того, какова ситуация нынче в Цзюлуне, по возвращении мы займемся Цзунбанем.

— Есть! — в один голос отозвались присутствующие и один за другим покинули кабинет.

Клан Хэлянь обладал огромной силой: четыре южных города Тяньду, слившись в обширную территорию, полностью принадлежали им. Во всем государстве Чэньянь клану Хэлянь принадлежало три десятых земель, клану Хуанфу — две десятых, клану Юйчи — тоже две десятых. Оставшиеся три десятых делили между собой с десятков мелких кланов и семей, которые в глазах этой троицы не представляли никакой угрозы. Цзунбань же был крошечным городком на самом юге государства Чэньянь, лежащим прямо в границах четырех владений клана Хэлянь. Он одиноко торчал посреди их земель, словно заноза в горле, доставляя немало раздражения.

Прибрав к рукам Цзунбань, клан Хэлянь избавился бы от давней скрытой угрозы.

Раньше он полагал, что неизбежно столкнется в жестокой схватке с кланами Юйчи и Хуанфу, и опрометчивый поход на юг позволил бы этим двоим воспользоваться моментом. Но теперь всё изменилось: в клане Юйчи произошла катастрофа, остался лишь Хуанфу, а их он всерьез не воспринимал.

Едва приближенные удалились, в кабинет бесшумно вошла У Сян и слегка поклонилась: — Господин.

— Что он делает? — спросил Хэлянь Хэн.

Из окна, у которого он стоял, отлично просматривался гостевой двор. Тщедушный юнец стоял там и, под палящим солнцем, нарезал круги по двору.

— ...У Сян не знает.

— А чем он занимался эти два дня?

Немного подумав, У Сян выложила всё как на духу: — Утром поднимает каменную ступу триста раз, после еды полчаса упражняется со стрельбой из лука во внутреннем дворе, а затем возвращается в гостевой двор и бегают, как сейчас. Днем спит, просыпаясь только к вечеру.

— А после пробуждения?

— Шатается по поместью, пытается завести с кем-нибудь разговор, — ответила У Сян. — Но в поместье никто не смеет болтать с ним просто так, поэтому вскоре он бросает это дело.

Даже Хэлянь Хэн невольно выказал недоумение.

— Ты спрашивала его?

— Спрашивала, — на лице У Сян промелькнуло затруднение. Не зная, как и реагировать, она произнесла: — Он сказал... что тренирует тело... У Сян никак не может взять в толк, что он замышляет.

Пока она отвечала, худенькая фигурка во дворе всё так же упорно продолжала бежать, а капли пота на лице и шее ярко блестели под лучами солнца. Услышав это, Хэлянь Хэн сперва удивился, но тут же взял себя в руки, однако не прошло и мгновения, как уголки его губ дрогнули в сдерживаемой усмешке.

Он неотрывно смотрел на Цзун Цзиня, словно видя в нем чью-то чужую тень.

— На время моего отсутствия в Цзюлуэ — глаз с него не спускать. Если он пропадет, спрошу с тебя.

— У Сян поняла.

День промелькнул незаметно.

Цзун Цзинь спал на крыльце у дверей выделенного ему домика. Закинув ногу на ногу и полуприслонившись к косяку, он смотрел на прятавшуюся в облаках луну.

Интересно, как там дома?

Его брату наверняка не переиграть Ло Чэньхуаня, развитие событий было очевидным: либо земли клана Юйчи разделят пополам и каждый станет править у себя, либо Ло Чэньхуань прикончит его братца, и с тех пор клан Юйчи станет зваться кланом Ло.

Или — третий вариант — хозяин, стоящий за спиной Ло Чэньхуаня, явится пожинать плоды.

Он хрустел сливами, принесенными из внутренней кухни, и пока думал, сплевывал косточки прямо перед крыльцом, выглядя столь же беззаботным и вальяжным, как и прежде.

Вдруг у основания стены послышался приглушенный шепот, привлёкший внимание Цзун Цзиня.

Один голос произнес: — Вот господин уедет, и мы сможем передохнуть пару дней.

Другой ответил: — Главная управляющая У Сян никуда не делась, думаешь, сойдет с рук лентяйничать? Смотри, ноги переломает!

— Чего бояться, я же слышал — этот новенький мальчишка вроде как умеет угождать господину, У Сян теперь целыми днями приставлена следить за ним, когда ей тут за нами приглядывать.

— Хэлянь Хэн уезжает?

Цзун Цзинь мгновенно встрепенулся, сел ровно и наострил уши, прислушиваясь к каждому слову.

— На этот раз господин едет в Цзюлун, небось и за полмесяца не вернется.

— На похоронах Юйчи Ланя наверняка будет шумно, я бы тоже не прочь взглянуть...

— Похороны?

— Хэлянь Хэн едет на его похороны?!

Да какие это похороны, он едет делить чужое наследство!

Забыв о ломящем от боли теле, Цзун Цзинь вскочил на ноги. Даже обуться он не удосужился — бросился по галерее напрямик к покоям Хэлянь Хэна.

— Вы куда?! — тут же раздался окрик У Сян.

Обернувшись через плечо, Цзун Цзинь раздраженно бросил: — К твоему хозяину... Не бойся, сбегать я не собираюсь, просто нужно перекинуться парами слов с ублюдком Хэлянь Хэном.

— Недопустимо оскорблять господина!

— Ладно-ладно, к Хэлянь Хэну, — отмахнулся Цзун Цзинь. — Отстань. Кстати, ты не знаешь, где он?

У Сян мысленно прикинула время и неуверенно произнесла: — В этот час господин должен быть... в Павильоне Синей Птицы за спальней...

Не дослушав, Цзун Цзинь уже умчался стрелой.

У Сян оставалось лишь броситься в погоню, на ходу выкрикивая: — Сейчас господин принимает ванну, не смейте мешать!

Но откуда-то у Цзун Цзиня только взялись силы — он уже убежал далеко вперед, не разобрав ни единого слова.

В покоях Хэлянь Хэна он уже бывал — в ту самую первую ночь, когда его притащили в поместье, миновав внутренний дворик с вечнозелеными деревьями, за которым располагалась спальня хозяина. Босиком ступая по деревянному настилу галереи, Цзун Цзинь оставлял позади торопливые глухие шлепки и вихрем влетел в помещение.

Добравшись до дверей спальни, он прошел дальше, прямо к выходу в самом конце.

Стоило ему поднять взгляд, как на черной доске блеснули выписанные размашистым почерком золотые иероглифы: Синяя Птица.

Откуда-то тянуло слабым теплом, различимо доносился тихий плеск воды, смешанный с пьянящим, манящим ароматом вина. Мысли Цзун Цзиня были целиком заняты делами клана Юйчи, он больше ни о чем не раздумывал, просто распахнул дверь и безрассудно ворвался внутрь.

Перед его глазами предстал ширменный экран, едва возвышавшийся над его ростом.

На нем висело темно-лиловое нижнее ханьфу Хэлянь Хэна.

<http://bllate.org/book/22011/2288234>